

Читатель представляет писателя

У Александра Ларина все загадка. Если мы скажем, что его не знаем, будет правдой и неправдой. Знаем по его первой книге «Сто и одно желание», которая вышла в 1991 году в Москве, по его отдельным рассказам, гуляющим в списках, но не знаем автора, не знаем, кто он.

Александр Ларин — псевдоним писателя. Затруднительно определить и жанр произведений Ларина. Рассказы? Хотелось назвать философские новеллы, лирико-философские монологи, необычная ритмическая проза, поэзия... Поэзия, наверное, потому что оригинальны мелодия и ритмика при чтении произведений вслух. И еще... Их хочется все время перечитывать...

В скором времени в Соединенных Штатах выйдет новая книга А.Ларина, рассказы из которой мы, группа читателей, поклонников его творчества, предлагаем на суд читателей «КО».

ПОСЛЕДНЯЯ БЛАГОДАТЬ

Вот тогда-то я и поверил в громкие слова и торжественные минуты. И даже ни разу не ухмыльнулся и не поморщился, когда рядом голявшие тетеньки, взявшись за руки, ктивно зашептали: «Врагу не сдастся аш гордый «Варяг», пощады никто не желает...»

Вот тогда-то я — сникающий а всякой сходке — и зауважал динение мыслей, чувств, одинаовость действий. А еще понял: акой все же величественной ожет быть толпа!

Первый раз мне понравились се вместе — и ничто не мешало.

Первый раз я увидел столько медлых, столько гордых, столько ертвующих — и столько, кто уше меня.

Ну вот так уж построилась моя иография, такой уж вышел мне устный опыт: видел много, как зялись, смирялись, сразу заигрыли, а главное — не ввязывались.

Видел много, как пихались, затали, выгадывали — и даже не стеснялись.

А еще — и не думали, а еще — и не знали...

А тут вдруг — такое.

Никогда еще не накалывался я так со своим критицизмом и своими насмешками.

Никогда еще не была такой жалкой моя отчужденность и мое неумение быть со всеми.

Люди оказывались выше, чем я привык, — и доблесть переставала быть доблестью...

Вот тогда-то я — именно в ту ночь и день — и почувствовал, и поверил во всякие такие вещи:

когда павшие вдруг поднимаются, обреченные — уцелевают, а ненавистные ни с того, ни с сего валются в немощи наземь, и все — вопреки страху и горечи — резко разворачивается в счастливую сторону.

Давно уже ничему такому я не поддавался, а тут — лично наблюдал.

Первый раз у меня это было — за все мои взрослые годы, — когда очень хотелось и так быстро исполнилось; когда уже и не думалось, и не ждалось — и вдруг возвращается...

Первый раз я увидел поверженных врагов — и, как дикарь, зараводался.

Вот тогда-то я и понял, что не все так страшно в этом мире, — что может и пофартить. И совсем необязательно — обманут, и совсем необязательно — оттолкнут, и совсем необязательно — плохо кончится, даже если к тому идет.

Конечно, трудно за какие-то сутки сразу стать верующим оптимистом, — тем более что обстановка быстро обновляется.

Может, завтра эта небесная сила и не дернется, когда трое в тужурках придут меня бить. А я уже размечтался, расслабился — надеюсь на продолжение...

Может, завтра я еще не так сникну, еще не так возмущаться буду — что опять обдурили.

Может, это и была тебе последняя благодать — а дальше, как знаешь.

Сентябрь, 1991.

Александр Ларин

Сто и одно
желание

"Цимелия"

ВИД И СОДЕРЖАНИЕ

А для меня, господа, и тело и душа — все едино. А потому низкие люди — они меня и чисто эстетически отвращают, какими бы красулями вы их ни числили. Даже если я и знать не буду, что у них там внутри, — все равно не понравятся. Раздражают меня их лица, формы, как они говорят...

А вот человек без гадости, с хорошими устремлениями — совсем другое дело, и опять же — каким бы неприглядным он с рождения ни был. Да я и ведать не буду, что он хороший, а вот что-то такое весь его вид пронизывает, что-то такое с ним сотворяет — что просто любо смотреть. И уродства у него какие-то благородные, и живот симпатично торчит, даже пахнет от него лучше.

У меня на этот счет все четко проверено: нравится мне эстетический человек, не угнетает он меня своей наружностью — значит, надёжный человек, можно с ним сотрудничать; не нравится, раздражает меня что-то в его теле — лучше не надо, лучше подальше.

Но только не повторяйте мне, господа, что внешность обманчива, и все эти глупости. Ничего она не обманчива; эстетически грамотного человека не проведешь, если он сам не захочет. Конечно, негуманно отталкивать людей по формальным причинам, и вполне возможно, что этот тип антипатичен вам и не напакостит, — но только не считайте вы, ради бога, что у него просто морда такая...

У меня эти иллюзии уже бывали, а теперь вот перебираю своих подлецов и вижу: да они же все с самого начала мне очень не понравились!.. Чего ж тут удивительного?

Ну, не может, господа, за противной наружностью биться милое сердце! Не допустит такого природа, что-нибудь да примет. Кстати, я вот не понимаю: почему бы нашим следственным органам не поучиться вопросам эстетики? Следователь-эстет, я думаю, живо со всеми разберется. Именно самый противный — и есть преступник, надо только уметь этот фактор чувствовать.

Совершить мерзость, господа, или даже подумать что-то неприличное — это значит поступиться, хотя бы и на время, своей прекрасной внешностью. Ну-ка, заловите себя на каком-нибудь стыдном деле или размышлении — и бегите быстрее к зеркалу. Ну что: нравитесь себе? Смотрите, как сразу обанкротилась ваша физиономия, каким «фу» вы сразу стали. А теперь вернитесь в исходное положение и подумайте что-то возвышенное — и снова смотрите. Замечаете, как стало лучше? — ну просто завлекательный, красивый мужик или девушка...

Это все отчетливо на наших депутатах видно, когда их по телевизору демонстрируют. Бывает, один и тот же политик — совсем по-разному эстетически смотрится. Говорит что-то полезное, прогрессивное — выглядит симпатично; а вскакивает с какой-нибудь вредной амбицией — вся прелесть пропадает.

У безнравственности, господа, не может быть ни достойного вида, ни гармоничности, ни изящества — хоть как-то, но она себя на теле противно покажет, хоть через детальку малюсенькую, но — вылезет. Вот поэтому всякие там красивые в кавычках эгоистки, бездельницы, хамки, я уж не говорю о большем — меня даже физически не устраивают, если, конечно, с их стороны какого-то порыва любовного не последует. Зато какая-нибудь санитарка приземистая из дома престарелых или другая неброская подвижница вполне могут меня заинтересовать — и именно в эстетическом плане.

Великая Б.Б., господа, стала в 40 раз краше, когда бросила весь этот светский блеф и занялась защитой животных, а вот многие ее знаменитые сверстницы только ухудшаются.

Нет, уважаемые, все наши прелести и уродства — все это изнутри. Так что не жалейте и не оправдывайте вы эту страшную публику — они сами виноваты, что такие, и сами же могут перемениться.

Не вид его нам не нравится, не рожа предательская — а душа.

СОН

Приснилась женщина.

И так мне с ней хорошо было, как давно уже не было — ни во снах, ни в жизни.

Хотелось и дальше целовать ее, не расставаться...

Но — мучило: как же мне теперь быть с другим моим? — не могу же я бросить ее после столькой жизни...

И целуя другую, жалобно объяснял ей ситуацию.

Но это же сон, нереальность — надо было лишь получше взглянуть в эту свою приснившуюся, и увидел я: так это же она и есть! — единственная моя, навечная — это же одно и то же лицо! — зря я страдал.

И радостный, что все так мирно получилось, проснулся.

Проснулся, посмотрел на нее — спящую, сорокалетнюю — и спросил: хочешь, расскажу тебе сон?

Из книги А.Ларина «Сто и одно желание».

Контактный телефон
202-94-04

ЧЕЛОВЕК С ГРАНАТОЙ

ваю: — Как с моим произведением? Сколько же можно ждать?!

А они: — Места нету.

Я: — Для всяких предателей и извращенцев вы место находите, а чистая патриотическая вещь вам, конечно, поперек глотки. В общем, так, — говорю, — или вы меня сдаете в набор, или я принимаю сейчас радикальную меру. — И достал гранату.

Они говорят: — В набор. Но это, — говорят, — с вашей стороны уже не интеллигентно.

Я говорю: — А изводить честных литераторов только потому, что они к вашей компашке не принадлежат, — это интеллигентно?! А муть всякую с умным видом пропагандировать?! А всякие органы в подробностях описывать — это как?! Да вас, — говорю, — ни одна граната не возьмет! — И ушел.

Выхожу на улицу, вижу, возле памятника народ толпится — чего-то скандируют, угрожают, обзываются... Я — туда, в самую середину. Говорю: — Вы

что, люди?! Одумайтесь! Оставьте свою злобу с ненавистью! Вернитесь к основополагающим ценностям!

А они: — Иди отсюда, сионист американский!

Я тогда им свой ультиматум: — Или, — говорю, — мы начинаем любить друг друга и терпеть, как учил Иисус, или... — и снова вытаскиваю гранату. — Они аж присели от неожиданности — и давай скандировать: — Ии-сус! Ии-сус!

— То-то же, — говорю. — Лучше, — говорю, — не раскручивать обстановку. — И поехал удовлетворенный домой.

А по пути решил в коммерческую сеть заглянуть. Захожу в одну из точек и говорю: — Спокойно, я заминирован. Или, — говорю, — мы резко снижаем цены до уровня 91-го года, или происходит трагедия.

Они тут же все поняли и суют мне бесплатно бутылку французского коньяка.

Я говорю: — Бесплатно не надо. Я хочу, чтоб все было по чести и совести. Снижайте цены.

Покорились — а куда денешься, когда человек с гранатой?!

А народ увидел, как они на ценниках нули зачеркивают, обрадовался — и быстрее все места: даже коньяк мой сцапали.

Прибыл со своей гранатой домой, думал отдохнуть от нее, расслабиться, да какой там! Только телевизор включил — снова провозируют. И врут, и кривляются, и все раздувают. Опять сиськи голые показывают, опять доллары... Звоню на телевидение, говорю, мол, так и так, или вы эту мерзость убираете и пускаете нашу классику, или я взрываю свой телевизор. У меня, — говорю, — есть граната.

Они посмеялись и бросили трубку. Ну, я выждал для приличия минут десять — может, проникнутся? — и взорвал.

И сижу — улыбаюсь.

Тут звонят в дверь.

— Откройте, — говорят, — мы вам ваучер принесли.

Я — к окну: знаем мы ваш ваучер. Глянул, а там омовцев полный двор и три БТР вместе со «скорой». Слышу, бабкам нашим кто-то объясняет: — Маньяка с гранатой приехали брать! Ну, значит, за мной.

Последнее время довольно значительный отряд литературных критиков и писателей, выступающих в роли таковых, с переменной долей успеха атакуют бронзовый монумент «великого советского писателя», пытаются снести его с занимаемого им пьедестала, вытеснить из первого ряда отечественной литературы, классических школьных программ. Иную позицию занимает автор предлагаемой сегодня нами статьи о М. Горьком В. Баранов — профессор, доктор филологических наук. О М. Горьком он опубликовал немало работ, некоторые из них переведены за рубежом. В 1990 году на родине писателя, в Нижнем Новгороде, вышла монография В. Баранова «Огонь и пепел костра». Результатами своих исследований он делился с делегатами Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы, с русистами Сорбоннского университета в Париже... Наибольший интерес читателя вызвали те работы известного литературоведа, в которых он пытается охарактеризовать позиции М. Горького в условиях сталинского тоталитаризма, его драматические заблуждения и ошибки, равно как и попытки противостоять произволу и насилию. В настоящее время В. Баранов завершил работу над книгой «Максим Горький: загадки жизни и тайна смерти», жанр которой обозначен весьма нетрадиционно: литературоведческий роман. Книга построена на богатом фактическом материале, значительная часть которого не известна читателю (архивные документы, публикации русских эмигрантских газет, выходивших в Германии, Франции, США и других странах). Книга выйдет в 1993 году, когда литературная общественность будет отмечать 125 лет со дня рождения одного из крупнейших писателей XX столетия.

КАК БЫ ни отвлекали происходящие ныне драматические события от проблем культуры, как бы ни менялись наши эстетические ориентации, — отмечать столетие М. Горького придется. Безусловно, не так, как столетний юбилей в 1968 году. Вспоминая об этом, выдающийся швейцарский писатель Макс Фриш так охарактеризовал поездку группы зарубежных и советских писателей по Волге на родину Горького: «Пленум на палубе. Сидим в наушниках. Чайки. Каждый оратор говорит о Максиме Горьком одно и то же. Перевод с тринадцати языков совершенно излишен: Горький как пролетарский писатель, как основоположник социалистического реализма. Постепенно я начинаю пони-

мать (без наушников) по-испански, по-румынски, по-португальски, по-фински, даже на языке, который не могу разгадать. Максим Горький и его конфликт с Лениным, его эмиграция после революции, Максим Горький и Сталин, писатель и государственная власть — об этом ни слова».

Во время роскошного банкета вечером, продолжает свой рассказ Фриш, «некий усердный румын снова напоминает в микрофон, что Максим Горький был пролетарским писателем, является таковым и таковым останется. Пожилой господин из Праги уверяет нас в этом; какой-то индеец это подтверждает».

Конечно же, опасность подобного апологетического единомыслия теперь нам не угрожает. Изветшавшие идеологические штампы смыло волной времени, словно мусор на берегу. Но с какими мнениями и оценками сталкивается читатель теперь? Давайте мысленно произведем эксперимент и скомплектуем команду из тех, кто писал в последнее время о Горьком, посадим их на речной лайнер и посмотрим, какой придется ему выбирать курс.

НАДО ПРЯМО сказать, среди пассажиров, поднимающихся на борт теплохода, немало таких, для кого с учетом объявленной ценности их багажа забронированы каюты люкс. Тут и блистательный автор философской притчи «Кролики и удавы» Ф. Искандер, нарисовавший колоритный портрет воспевателя буревестников, заманивающего кроликов в пасть удавов, и выступивший с привлечением внимания широких читательских кругов циклом публицистических статей в «Известиях» «Люби Россию в непогоду» Б. Васильев, и публицисты-критики Ю. Черниченко и И. Золотусский...

Им придется расположиться неподалеку от тех мемуаристов и критиков, которые на страницах прессы давно забронировали себе место на подобном рода если не «философском», то «критическом пароходе» — от И. Бунина и В. Ходасевича до Г. Иванова и Ю. Айхенвальда...

Я уже не говорю о мобильной группе журналистов-публицистов. Так что команда подбирается довольно многочисленная. Вот только специалистов-горьковедов в ней раз-два и обчелся. Впрочем, иные из них, пожалуй, и откажутся от столь престижной компании, не без оснований обидевшись, что с их знаниями пишущие нынче о Горьком считаются не очень...

Итак, произведя самый беглый досмотр багажа главных пассажиров, можно прийти к выводу: команду капитан подаст без колебаний одну: «Полный назад!»

РАЗУМЕЕТСЯ, никто не лишен права высказываться о Горьком критически. Но для начала обратим внимание на сам тон иных писательских выступлений. На вопрос «Что есть советская литература и есть ли она?» В. Войнович отвечает без колебаний. «Многое из литературы, к которой можно приложить этот эпитет, надо отправить, да она уже отправлена, на свалку... Взять Горького, например «Мать», — это просто плохой, глупый, примитивный роман» («Российская газета», 16.02.91).

Что и говорить, роман не лишен крупных недостатков. Но — глупый, примитивный? В. Войнович известен своими мужеством, бескомпромиссностью в борьбе за достоинство литератора с чи-

Вадим БАРАНОВ

НОВЫЕ СТАРОГО

новно-бюрократическими извращениями понимания места писателя в жизни общества, и в этом смысле он, безусловно, заслуживает всяческого уважения. Но стоит ли переступать ту черту, за которой решительность и бескомпромиссность превращаются в грубость и прямолинейность?

Гораздо более пространно высказался относительно брошюры «О русском крестьянстве» на страницах «Огонька» (1991, № 38) Б. Можаяев. Поводов для полемики у Б. Можаяева значительно больше: то, что взгляды Горького на деревню отличались явной односторонностью, общеизвестно. Но активность в использовании резких выражений не адекватна попыткам понять истоки ошибочных утверждений Горького, обстоятельств, в которых рождалась брошюра, психологическое состояние автора в момент ее написания. Иные негативные характеристики горьковского сочинения просто уничтожающе резки по тону. Например: «неискренности и нечистоплотности рассуждения Горького насчет заблуждений крестьянского ума»; «бред какой-то»; «самодовольный рык и плевки в его (крестьянства. — В.Б.) сторону маститого писателя»; «Кошунство? Святотатство? Проповедь чело-веконенавистничества? Ну, как еще?»

Где явные переборы в стиле, — ищи переборы в смысле. К примеру, допустим, что Б. Можаяев прав и суждения Горького несправедливы. Но почему же они не могут быть при этом следствием искреннего заблуждения? Остается лишь выразить удовлетворение, что явной эмоциональной односторонности в данном случае можно противопоставить трезвые рассуждения и аргументы литературоведа Н. Примочкиной, автора обстоятельной статьи «Трагическая ошибка Горького» («Молодая гвардия», № 3, 1991). (К сожалению, серьезные работы горьковедов, как уже говорилось, пока не делают погоды...)

Обратимся к одной из наиболее заметных недавних писательских публикаций — эссе В. Пьецуха «Горький Горький» («Столица», № 38, 1991). (Другому автору, В. Гончарову, по видимому, заголовок показался столь удачным, что свою статью в газете «Литературные новости» (№ 13, 1992) он назвал «Оскомина от Горького».)

Известный прозаик В. Пьецух полагает, что «вообще значение писателя Горького сильно преувеличено». Относится это и к ранним произведениям, «исполненным подросткового пафоса, замешанным на аллегории, отдающей в восемнадцатое столетие, построенных на материале (? — В.Б.) из жизни животных и босаков», и к «нравоучительным пьесам, точно специально рас-

считанным на школьные хрестоматии» — вплоть до «нуднейшего «Клима Самгина»...

«Тем более удивительна его небывалая популярность, скоропалительная слава всероссийская, европейская, а после и мировая, свалившаяся на Алексея Максимовича бог весть по какой причине...»

Нельзя сказать, что В. Пьецух очень уж оригинален. Иван Бунин чуть раньше, а именно в 1936 году, назвал мировую славу Горького «совершенно беспримерной по незаслуженности, основанной на безмерно счастливым для ее носителя стечении не только политических, но и весьма многих других обстоятельств...» (И. Бунин, зачастую вообще не стеснявшийся в выборе выражений, приписывал Горькому «гомерическую лживость и беспримерную неутомимость в ней...») А вспомнить И. Бунина стоит еще и потому, что желчные мемуары его о Горьком перепечатал со страниц зарубежного издания «Наш современник» (№ 11, 1990) незадолго до того, как В. Пьецух опубликовал свое эссе.

ЕСЛИ СЛЕДОВАТЬ логике В. Пьецуха, кривая известности писателя должна бы в конце концов пойти вниз. По крайней мере за рубежом.

Обратимся к статистике и возьмем наугад цифры изданий советских писателей за границей хотя бы в 1976—1980 годах. Лидерами тут можно считать М. Солохова и Ч. Айтматова: их книги выходили соответственно 74 и 72 раза. Дальше следуют: В. Маяковский и Ю. Трифонов (по 51), А. Толстой (48), В. Распутин (41), В. Быков (27), С. Есенин (26), А. Горький? Горький издавался 313 раз! И, надо полагать, даже самые рьяные его оппоненты не заподозрят западных издателей в том, что они привержены догмам соцреализма и, попав под власть психологии застоя, начали издавать продукцию из конъюнктурных соображений.

Каков же, по мнению В. Пьецуха, финал горьковской судьбы? «Он стал посаженным отцом на бракосочетании русской словесности с государственным аппаратом», «кончил благополучным сталинистом».

Ну, это еще далеко не самый крайний вывод. М. Волина в «Курантах» (3 марта с.г.) завершает свою статью «Рядом с железным Иосифом» так: «Жаль советскую литературу. Алексея Максимовича не жаль!.. Место себе Горький выхлопотал неподалеку от друга своего Железного Иосифа на крови».

В чем в чем, а уж в хлесткости такой формулировки не откажешь. Упомянутый выше Б. Гончаров делает вывод еще более далеко идущий: столько сил отдавший делу культурного

рождения А.М.Горького

МАРШРУТЫ

«КРИТИЧЕСКОГО ПАРОХОДА»

строительства в стране, по мысли автора статьи, М.Горький «нес не культуру, а цивилизацию, оказавшись конквистадором в родной стране, — нес огнем и мечом, а не Словом». Огнем и мечом... Прямо мороз по коже, ей-богу! Какой уж там благополучный сталинист!

Тут уж недалеко и до «оргвыводов». Автор прекрасных книг о судьбах деревни Б.Можаев в сущности предлагает изъять сочинения Горького из программы школьного обучения. Но вспомним однако: еще в 1976 году, публикуя статью польского критика Густава Герлинг-Грудзинского с интригующе-многозначительным названием «Семь смертей Максима Горького», журнал «Континент» призвал к суду над Горьким (как нынче, к примеру, над КПСС). Призыв парижского журнала подхватил архангельский «Север», предавая гласности материалы о строительстве Беломорско-Балтийского канала и писательской поездке по нему.

НЕКОТОРЫЕ, впрочем, не ждут суда, а действуют скорее по методу самосуда. В «Комсомольской правде» читаем черным по белому: «Варварским способом расправились с библиотекой бывшего парткома КПСС на Челябинском тракторном заводе. Идеологически вредные книги порвали и сожгли. В большой костер, разведенный силами отдела рационализации и изобретательства, попали также Горький, А.Фадеев и другие». Наверное, не стоит напоминать, кто и где разводил костры из книг, придя к власти, и к чему это повлекло в конце концов...

«Вспомнилось вдруг примечательное суждение Пушкина о соотечественниках: мы ленивы и нелюбопытны. Обидное? Что поделать. Впрочем, пожалуй, мысль поэта о нашей лени и нелюбопытстве нуждается нынче в некотором уточнении. Нелюбопытны — да. Но вот что касается лени, то не слишком ли часто ее замещает непомерная активность? Ленясь узнать побольше о чем-либо, массу энергии тратим на утверждение своего полунания в качестве истины едва ли не в последней инстанции...

В последнее время журналы и газеты охотно перепечатывают старые, предоктябрьских лет критические статьи о Горьком, например, Ю.Айхенвальда («Сельская молодежь», № 11, 1991). По правде говоря, никакого труда не составляло достать с полки сборник «Силуэты» и, сдунув с него пыль десятилетий, перенести критическую статью о Горьком на страницы своего журнала. Нимало не возражая против подобной операции, невольно задаешься вопросом: а не имело ли бы смысла сопроводить публикацию квали-

фицированным послесловием литературоведа? Ради того, чтобы читатель понял общественную обусловленность позиции автора, истоки взглядов на литературу критика, которого еще задолго до Октября авторитетный ученый С.Венгеров назвал критиком-импрессионистом.

Повторяю, я вовсе не против этой или подобных ей публикаций в принципе. Да и сам Горький был бы не против. Не кто иной, как он же в ответ на предложение издать сборник критических статей о нем, заявил, что необходимо включить в книгу и самые несправедливые, односторонние. Но одно дело сборник, где разные мнения уравновешивают друг друга. И иное дело журнал, да еще рассчитанный на молодежь (подчеркну — сельскую).

ЕСЛИ ЖЕ вернуться к обвинительным реляциям в адрес Горького, то внимательное их чтение убеждает: оппоненты, при всем их отличии друг от друга, исходят из одних и тех же фактов и обстоятельств его жизни и деятельности, получивших широчайшее распространение. Поездка на Соловки и заключенные, державшие газеты вверх ногами. Провоз писателей по Беломорканалу и сооружение панегирической книги о нем. Конечно же, статья о враге, которого следует уничтожить, ежели он не догадается сдать на милость победителю. Что и говорить, картина довольно тяжкая.

Обратимся, однако, еще раз к эссе В.Пьеуха. Надо отдать ему должное, по форме высказывается он о Горьком более или менее сдержанно, как бы даже несколько снисходительно. Да и многие суждения писателя при очевидной заостренности вполне имеют право на существование. К примеру, о пагубном влиянии политики на художественное творчество. Или о романе «Мать»... Да мало ли о чем! С некоторыми остро критическими оценками (например, «Жизни Клима Самгина» как романа «нуднейшего») трудно не согласиться. Но вот тезис о Горьком-сталинисте явно нуждается в комментариях.

Вспомним первый «грех» Горького после возвращения из Италии — получившую печальную известность поездку на Соловки и похвальный отзыв о деятельности чекистов по «перекровке» людей в условиях лагерной системы. Явное, непростительное заблуждение писателя, за которое ему достается от всех нынешних оппонентов.

Остается добавить лишь одну «маленькую деталь». Так сказать, совсем пустяковую подробность... Сразу после поездки, осенью того же, 1929 года, Горький решительно встает на защиту Б.Пильняка и Е.Замятина, публиковавшихся на Западе, —

двух писателей, против которых была развернута невиданная травля. Увы, целый ряд писателей принял в ней активное участие. И никто не отважился встать на их защиту. Никто. Только один Горький (статья «О трате энергии», опубликованная 15 сентября 1929 г.). А в конце сентября он пишет новую статью с характерным названием: «Все о том же». Эта статья едва ли не единственное публицистическое сочинение Горького, которое было отклонено редакцией и так и не увидело света вплоть до наших дней (опубликована в 1989 г. в сборнике «Горький и его эпоха», вып. 1).

Да и как могла появиться тогда статья, автор которой с упорством Дон Кихота один продолжал повторять то, с чем уж смирились остальные. «Кроме Пильняка, есть немало других литераторов, на чьих головах «единодушные» люди публично пробуют силу своих кулаков, стремясь убедить начальство в том, что именно они знают, как надобно охранять идеологическую чистоту рабочего класса и девственность молодежи. Например, Евгений Замятин; этот страшный враг действительности, творимой силой воли и разума рабочего класса... Насколько я знаю Замятина, Булгакова, а также всех других проклинаемых и проклятых, они, на мой взгляд, не стараются помешать истории делать ее дело, прекрасное и великое дело...»

Более того, к концу года Горький пишет довольно резкие письма Сталину, в которых выходит за рамки дел собственно литературных. Он выступает против притока в партию «двуногого хлама», «обозной сволочи» и защищает «еретиков», старых революционеров. Кого же именно? Представителей последней оппозиции Сталину: Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова.

Все это теперь известно. Но в стройные обличительные концепции не укладывается никак, а потому во внимание не принимается.

НИКОИМ ОБРАЗОМ не игнорируя ошибки Горького, каковых было немало, можно было бы, с другой стороны, привести и немало примеров противоположного рода, характеризующих его попытки противостояния сталинскому порядку. То и другое в совокупности образует сложный, головоломно интересный сюжет о притяжениях и отталкиваниях в системе «власть и художник», но в рамках обзорной статьи я не могу больше касаться этого, так как пришлось бы пересказывать содержание большой книги, работу над которой закончил.

Кратко говоря, перед нами драма, перерастающая в трагедию, и не гоже сводить ее до уровня фарса. И уж если рисовать картину, то целиком, а не заполнять часть полотна колоритными фрагментами мрачного цвета, оставляя зияющие пустоты на других частях того же полотна.

Что добавить к сказанному? Можно было бы многочисленными заявлениями оппонентов Горького противопоставить отдельные суждения в его пользу, принадлежащие Е.Евтушенко, Л.Аннинскому, С.Залыгину... Можно было бы вспомнить удивительно звучащие суждения М.Цветаевой, полагавшей, что Нобелевскую премию из числа русских писателей следовало бы присудить не Бунину, а Горькому...

Еще более отраднее, что наиболее зрелые читатели ощуща-

ют конъюнктурно-популистский характер обличительных публикаций. Газета «Московская правда» напечатала подборку читательских откликов на обширный, в трех номерах очерк Л.Колодного «Двуглавый буревестник». Авторы шести писем из семи резко критикуют очерк.

Завершает серию откликов развернутый отрывок из письма Вл. Бубнова. Прочитав два фрагмента. «Внимательно прочитав опус Л.Колодного, я уловил в нем несколько моментов. Первый — родословная Горького не соответствует титулу «пролетарского писателя». Второй — Горький никогда не был великим русским писателем. Третий — Горького нельзя назвать патриотом, заслуги его перед Родиной невелики. Ну, и четвертый — вреда Горький принес нашей стране больше, чем пользы. Такова концепция Л.Колодного.

Я склонен был бы согласиться с какими-то аргументами журналиста, если бы был уверен, что «разоблачение» Горького было делом всей жизни автора. Но я твердо убежден, что родилось все это с ходу, в угоду конъюнктурным позициям. Акция Л.Колодного преследует цель поколебать веру людей в большого писателя...

Вот В.Баранов весной в «Советской культуре» тоже очень критически писал о Горьком. Но там не было предвзятости, оголтелой категоричности оценок, было больше такта и уважения к большому писателю. Очень не хотелось бы, чтобы к оценке сложных, противоречивых, трагических явлений отечественной истории и культуры «Московская правда» подходила с позиций известного героя Островского «Чего изволите?»

Порадовали эти слова не только и не столько потому, что они относятся и к моей скромной работе, но прежде всего потому, что читатель жаждет подлинной правды, когда, как говорится, «Тут ни убавить, ни прибавить».

ТО, ЧТО я написал, polemически комментируя сказанное критиками Горького, этого сказанного, разумеется, никоим образом не отрицает. Я вовсе не собираюсь защищать Горького от справедливой критики. Беря этот вопрос более обобщенно, можно сказать: в конце концов дело не только в Горьком, в Сталине или еще в ком-то. Дело в нас, в нашем отношении к культуре, в нашем способе мышления.

Горького не раз — и небезосновательно упрекали в том, что он обходит факты, которые противоречат его представлениям о действительности. А разве его критики не поступают так же?

Так, может быть, стоит, наконец, извлечь всем нам более основательный урок из жизни этого, как там ни говори, значительного человека и художника, всем нам, включая и тех, кто критикует его? Да и вообще, в науке, отстаивая какую-нибудь теорию, ищут в первую очередь не те факты, что подтверждают ее, а те, что идут вразрез с ней. А уж потом, как говорится, подбивают бабки.

* Кстати, С.Залыгин очень интересно высказался о Горьком именно как о художнике: «Думаю, по-новому будет читаться и Горький. Он интересен совершенно необыкновенным стилем. Так, как говорит со мной, читателем, Горький, не говорит никто». («Правда», 16 февраля 1990 г.).

** «Да» и «нет» Максима Горького. («Советская культура», 1 апреля 1989 г.).

К 55-летию со дня рождения В.С.Высоцкого

«...ЧТО ИМЕЛ В ВИДУ
— ТО НАПИСАЛ»

Кем был В.С.Высоцкий, живший в 1938—1980 годах? Артистом кино и театра? Певцом и композитором? Поэтом и прозаиком? Ответ знают все: и тем, и тем, и тем! Сам же Владимир Семенович утверждал: «Если упростить вопрос, то больше всего я работаю со стихом, безусловно...»

Так случилось, что первый свой сборник стихов «Нерв» поэт уже не застал. Его составил и написал вступительную статью к

английском языке Эмили Талл при участии Эдварда Дьюмэни-са. Сверка текста и магнитофонная запись песен В.Н.Кузина.

Большой интерес у читающей публики вызвал роман «Черная свеча», написанный Владимиром Высоцким в соавторстве с Леонидом Мончинским. Это роман об артели старателей в Бодайбо — центре золотодобычи Сибири. В артели работали в основном недавние ээки, отбывавшие наказание на Колыме. Соавторы увидели их создателями, людьми дела и слова, людьми, не могущими творить зло, ибо им было чем дорожить, хватало сил устоять против самого себя.

«...Идея написания книги, — вспоминает Леонид Мончинский, — принадлежит Володе. Правда, он настаивал на сценарии, по которому мечтал поставить фильм в США и сыграть главную роль. Мне удалось его уговорить (затрудняюсь сказать — на пользу ли дела): вначале будет роман. Совместно работали урывками. Иногда неделю, иногда ночь. Много согласовывали по телефону».

Роман «Черная свеча» вместе с газетой «Советская молодежь», Иркутским институтом гуманитарной информации и рекламы,

Иркутским отделением Советского фонда культуры выпустило Издательство ММШП — Московской международной школы переводчиков.

В первом номере «КО» за этот год директор Ярославского полиграфкомбината Яков Коган рассказал, что на его предприятии дается «зеленая улица» Собранию сочинений В.С.Высоцкого в пяти томах. Его готовят издатель из Тулы — акционерная компания развития малых предприятий «Тулица». Успеха вам, коллеги!

Свой небольшой обзор новинок, посвященных поэту и артисту, завершу библиографическим справочником «Владимир Семенович Высоцкий. Что? Где? Когда?», изданным МТПП «Студия-Л» совместно с харьковским центром «Прогресс». Автор-составитель А.С.Эпштейн собрал в нем многочисленные факты о жизни и творчестве В.С.Высоцкого, о его ролях в кино и театре, об издании его произведений и отзывах о них.

Справочник содержит более тысячи источников информации, в том числе и нашу газету «Книжное обозрение», а также устные рассказы-монологи актера о Театре на Таганке, о песнях, о себе из фонограмм концертных выступлений и интервью.

Александр ШАХМАТОВ.

САЛОН «КО» «ВАШ ЕЛ»

Многие читатели коллекционируют книжные знаки, отражающие интерес владельца к Владимиру Высоцкому и его поэзии. Один из них — уралец Сергей Демин. Для нашего Салона он прислал из своего собрания два экслибриса, изготов-

ленные для него художниками В.Меркушевым из Санкт-Петербурга (вверху) и В.Леоненко из Чернигова.

Направляя эти работы нам, Сергей Афанасьевич написал: «Буду рад установить контакты с владельцами и коллекционерами экслибрисов, посвященных Владимиру Высоцкому и его поэзии. Адрес: 623273, г. Дегтярск Екатеринбургской обл., а/я № 6, С.А.Демин».

А.ВЕТЛУГИН.

нему Роберт Рождественский. Эту книгу в 1981 году выпустило издательство «Современник». Затем она еще выходила в Москве, Алма-Ате, Чебоксарах, Йошкар-Оле. А совсем недавно ее пятое, исправленное издание появилось в московской фирме «Лотос»; текстологическую подготовку этого издания осуществил известный знаток творчества Высоцкого Андрей Крылов, он же написал примечания.

Только что московское издательство «Рудомино», действующее при Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы, выпустило книгу «Избранные песни Владимира Высоцкого». Составление текстов на русском языке и аннотаций на

Харьков: МТПП «Студия-Л», центр «Прогресс», 1992. — 400 с. 50 000 экз.

Валерий ВОРОНЦОВ
(г. Тольятти)

ТОЛЬКО ФАКТЫ

В издательстве «Светильник» вышли избранные плагиатором А.Сычушкиным произведения.

УКАЗ

«За большие заслуги в области юмора наградить товарища Брежнева Леонида Ильича Орденом Улыбки (посмертно)».

ВАМ, РЕБЯТА!

Любите книгу — не зачитывайте «Мойдодыр» до дыр!

МЕНЯЮ...

...производственный роман на служебный.

...бич сатиры на ремень безопасности.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

В годы застоя поэт М.Березкин побывал в семидесяти странах, а поэт К.Ненашев — истопником, сторожем и дворником.

В МИРЕ КНИГ

Хороший подарок сделало читателям издательство «Светиль-

ник». На днях оно отклонило роман Е.Селезенкина «Буря в стакане воды».

НАХОДЧИВЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Чтобы хоть временно избежать упреков в том, что он видит жизнь из окна кабинета, романист А.Сиронов вынес летом свой письменный стол в лоджию.

ЗАЧИТАЛСЯ

На собственном опыте убедился в том, что читать в автобусе вредно, студент Л.Капустин. Изучая правила пользования автобусами, он не заметил, как в салон вошел контролер.

ГИПОТЕЗА

Авторство строки «Старик Державин нас заметил» принадлежит не А.С.Пушкину, а плагиаторам начала XIX века, списавшим у Г.Р.Державина.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

...хотя в Москве несколько тысяч членов союзов писателей, здесь все же легче напечататься, чем прописаться.

КЛАССИКА НЕ СТАРЕЕТ

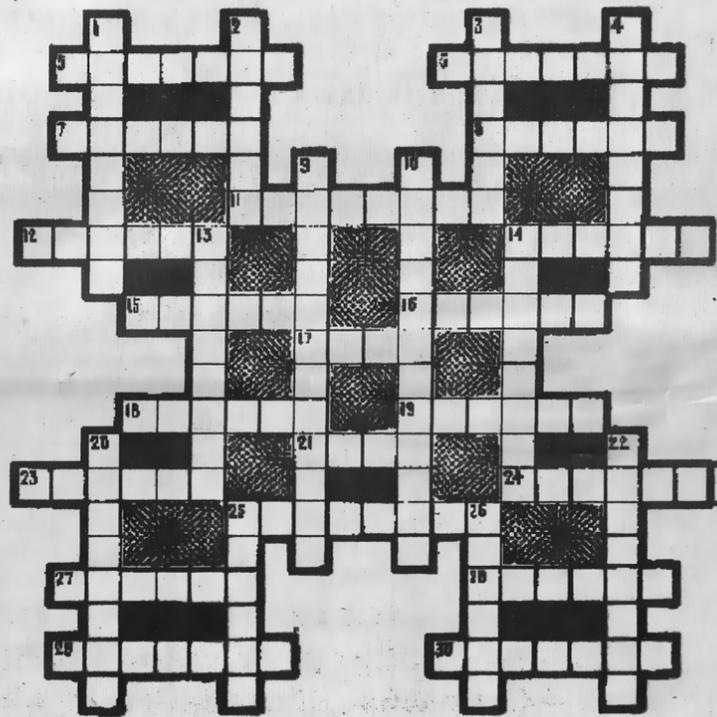
Заполняя анкеты, романистка Маргарита Квашникова в графе «Возраст» уже тридцать лет пишет: «Бальзаковский».

ПО ПРИМЕРУ ЖУКОВСКОГО

После выхода поэмы Ярополка Зайцева «Иван да Марья» редактор издательства «Светильник» Т.Д.Кручинин прислал автору свой фотопортрет с надписью: «Победителю-поэту от победленного редактора».

С КЕМ ПОВЕДЕШЬСЯ...

Вспомнив, сколько ему стоила поездка в Габрово, сатирик В.Бушуев отрезал своей кошке хвост.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Рассказ О.Генри. 6. Автор романа «Великое противостояние». 7. Повесть Л.Толстого. 8. Роман А.Толстого. 11. Персонаж повести И.Тургенева «Вешние воды». 12. Русский писатель XIX века, автор романа «Львы в провинции». 14. Роман Э.Золя. 15. Персонаж пьесы М.Горького «На дне». 16. Рассказчик цикла повестей А.Пушкина. 17. Рассказ И.Бунина. 18. Автор детективной пьесы «Мышеловка». 19. Роман Н.Лескова. 21. Русский драматург, мастер водевильного жанра. 23. Пьеса-шутка С.Михалкова. 24. Персонаж повести Н.Нилина «Испытательный срок». 25. Российская писательница, автор повести «Первая любовь». 27. Роман Ф.Купера. 28. Автор повести «Дело пестрых». 29. Поэма К.Симонова. 30. Персонаж романа А.Дюма «Граф Монте-Кристо».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Русский поэт-символист. 2. Стихотворение А.Пушкина. 3. Роман В.Шिशкова. 4. Роман В.Обручева. 9. Девичья фамилия «Душечки» в рассказе А.Чехова. 10. Персонаж романа «Двадцать стульев». 13. Роман Ю.Яновского. 14. Роман И.Тургенева. 20. Персонаж из «Горя от ума» А.Грибоедова. 22. Российский писатель, автор романа «Студенты». 25. Автор повести «Белый Клык». 26. Исторический роман Х.Мармоля.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Первенцев. 6. Панько. 7. Товкач. 11. Нина. 12. Осеева. 14. Пушкин. 15. Лермонтов («Тучи»). 18. Оксана. 19. Ларсен. 20. Павел. 22. Хокис. 23. Дремов. 24. «Завещание».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Хрюкин. 2. Оцеола. 4. «Чапаев». 5. «Катюша». 8. Костриков. 9. Вигдорова. 10. Пришибеев. 13. Анета. 14. Прокл. 16. Гаврош. 17. Крылов. 20. Панова. 21. Ларина.

Книжное обозрение

129272, г. МОСКВА,
СУЩЕВСКИЙ ВАЛ, 64

ТЕЛЕФОНЫ: приемная — 281-62-66;
отдел: общественно-политической литературы — 281-47-47; художественной литературы и искусства — 281-84-69;
книговедения — 284-48-74;
писем и рекламы — 281-51-45;
библиографии — 229-05-76.
Факс [095] 281-41-06.

Учредители: Министерство печати и информации РСФСР
и трудовой коллектив МГМП «Книжное обозрение»

Главный редактор Е.С.АВЕРИН

Редакция книг не высылает и на заказы не отвечает.
При перепечатке ссылка на «Книжное обозрение» обязательна.

Фотоформы подготовлены в редакции газеты на редакционно-издательской системе, поставляемой фирмой «PROSYSTEM» (123022, г.Москва, Трехгорный вал, д.2, стр.2) и СП «ИНТЕРМИКРО» (107066, г.Москва, ул.Нижняя Красносельская, д.39)

Индекс 50051.

МГМП «Книжное обозрение»,
р/с 345135 в Издат-Банке. РКЦ ГУ
Центрального банка РФ, г. Москва,
кор.сч. 161939, МФО 201791.
Регистрационное свидетельство № 1413
Тираж 103 537 экз. Заказ № 0265
Объем 4 печатных листа.
ИПК «Московская правда»
Газета выходит 52 раза в год.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10